

18+

АРТУРО СОРОКИН

2XYZ: Станция «Тишина»

1-Я ЧАСТЬ

Артуро Сорокин

**2XYZ: Станция
«Тишина». 1-я часть**

«Издательские решения»

Сорокин А.

2XYZ: Станция «Тишина». 1-я часть / А. Сорокин —
«Издательские решения»,

Перед вами — первая часть истории о путешествии через пространство-время. Пассажирами нашего поезда стали: простой русский пенсионер Иван Петрович и трое его попутчиков-пришельцев. Автор не рекомендует использовать алкоголь для борьбы с экзистенциальным кризисом. В рамках повествования алкоголь — метафора. Поезд — метафора. Станция «Тишина» — метафора. Только Петрович — не метафора. Он просто Петрович. Перед чтением рекомендую запастись ироническим здравым смыслом и огурцами. Приятного пути.

Содержание

Часть I. Знакомство	6
Глава 1. Кто будет дедушкиных огурчиков?	6
Часть II. Борьба со скукой	12
Глава 2. Палки в колёсах: инструкция по применению	12
Глава 3. Больцмановская капуста	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

2XYZ: Станция «Тишина»

1-я часть

Артуро Сорокин

© Артуро Сорокин, 2026

ISBN 978-5-0070-6398-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-6402-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Знакомство

Глава 1. Кто будет дедушкиных огурчиков?

Вокзал «Галактический-1» пах озоном, перегретым металлом и почему-то щами из столовой. Иван Петрович сдал свой увесистый багаж в камеру хранения, получив взамен магнитный жетон с выбитой на нём звездой, и неторопливо занял своё место у окна.

За толстым бронестеклом не было привычных пейзажей. Это была не просто чернота, а глубокая, бархатная синева, пронизанная светом далёких галактик. Пространство между ними не было пустым: в нём лениво дрейфовали гигантские светящиеся облака — звёздные ясли, где из гравитационного хаоса рождались новые светила. Их форма постоянно менялась, создавая эфемерные узоры, похожие на амёб или причудливые цветы.

Но если присмотреться ещё внимательнее, становилось видно, как сама ткань реальности на мгновение вспыхивает крошечными искрами — это в вакууме рождались и тут же исчезали пары частиц. Поезду было плевать на эту космическую симфонию; он ждал разрешения на фазовый сдвиг.

Вдоль состава тянулась бесконечная красная ковровая дорожка, местами протёртая до дыр тысячами ног. Вместе с ней фоне квантовые рельсы, уходящие в бесконечную черноту, казались насмешкой над самой идеей порядка. А на информационном табло, похожем на гигантский телевизор «Радуга», бежала строка:

«ГКД — СПАСИБО, ЧТО ВЫБРАЛИ НАС!»

«ЕДИНСТВЕННАЯ В ГАЛАКТИКЕ КОМПАНИЯ, ВЛАДЕЮЩАЯ КВАНТОВОСТРУННЫМИ ПУТЯМИ (МОНОПОЛИСТ)»

Эта убогая, кустарная реклама была единственным якорем, за который мог зацепиться человеческий разум, глядя на бездну за окном. Петрович усмехнулся: знакомая песня.

Он был доволен, ведь цель его поездки полностью оправдалась: внучку Аннушку повидал, разносолы ей передал, на базаре новую квантовую лопату сторговал и даже пакет семян космических кабачков урвал. Теперь домой, на дачу.

Он достал из котомки свежий номер газеты «Правда», развернул его и, бросив на застывший перрон мечтательный взгляд, углубился в чтение.

Поезд мягко качнулся. Вакуумный шлюз вокзала зашипел, отсекая звуки станции. Состав медленно поплыл вдоль перрона, набирая ход для входа в квантовый коридор.

Дверь купе с мягким шипением отъехала в сторону.

Вошёл мужчина. Не вошёл — вплыл, идеально выверяя каждый шаг. Он не обратил на Петровича никакого внимания. Аккуратно, брезгливо подстелив газету (не «Правду», а какую-то глянцевою) на сиденье у двери, он сел напротив, сохраняя спину прямой, как строительный уровень. Достал маленькую тряпочку и принялся методично протирать плечи своего дорогого костюма, смахивая невидимую пыль. Петрович лишь хмыкнул в усы. Чиновник, сразу видно. У него был нюх отточен на бюрократов всех мастей.

Следом в купе раскачивающейся походкой впорхнула юная прелестница. Она окинула купе любопытным взглядом, быстро сказала: «Здравствуйте!» — и поспешила занять место у окна, напротив Петровича. «Красивая, чертовка...» — подумал Петрович. — И тебе не хворать, — ответил он уже вслух. И волосы роскошные — густые, тяжелые, медового цвета, они густой волной спадали ей на плечи и колыхались в такт каждому движению, словно жили своей жизнью. Она достала зеркальце, глянула в него, поправила что-то невидимое и стала тихонько напевать весёлую песенку, едва заметно пританцовывая. Петрович немного приободрился, глядя на нее после тяжёлого взгляда чиновника. С такой попутчицей ехать веселее.

Последним зашёл юноша. Он озирался по сторонам так напряжённо, что Петровичу и лица-то его разглядеть не удалось — только козлиные глазки мелькали из-под глубокого капюшона. В обеих руках он держал странную кладь, обмотанную проводами, а из-под воротника и рукавов выглядывали провода. — Здравствуйте... — пробормотал он сипло. — Я прошу... умоляю... будьте предельно аккуратны. Мой груз очень хрупкий. И... пожалуйста... постарайтесь не дышать в его сторону. Он занял последнее место у двери (рядом с Петровичем), построил кладь на колени и тут же воткнул один из своих проводков в розетку под столиком.

Петрович сложил газету и решил, что пора бы и подкрепиться. Он запустил руку в свою котомку и извлёк оттуда кулёк из той же «Правды». Из котомки донёлся ядрёный аромат укропа и хрена. — Ну что ж, — удовлетворённо крикнул он. — Подкрепимся домашним.

Он достал первый огурец — пупырчатый, крепкий. Откусил с хрустом. По купе мгновенно разлился сырой запах подмосковной грядки.

Девушка у окна перестала петь и восторженно уставилась на кулёк. — Ой! А что это? Огурчики? Настоящие? Можно мне один? У нас на работе всё такое синтетическое...

Она уже тянула руку к кульку, когда чиновник напротив тихо, но уверенно процедил: — Протокол гигиены межпланетных перевозок... Вам известно, что органические продукты запрещены к проносу в герметичные зоны?

Девушка испуганно отдернула руку и обиженно надула губы.

Петрович же, не обращая внимания на их перепалку, с удовольствием жевал огурец. Он откусил кончик второго — тот оказался с горчинкой. — Эх, хорош! — крикнул он с явным удовольствием. — Самый смак!

Он протянул кулёк девушке: — На вот, бери. Горчит малость — значит, самый крепкий будет.

Девушка робко взяла огурец, откусила кусочек и тут же сморщила носик так, будто лимон проглотила. — Ой-ой! Какая... горечь! Как вы это едите? Это же неприятно! Это портит всё удовольствие!

Петрович добродушно усмехнулся: — Дык, зато свое, с моей собственной грядки, милая. И вкус настоящий. А ваши синтетические сладкие огурцы — оно как картон жуёшь: ни пользы, ни души.

Юноша рядом с ним тихо загудел сервоприводами, звуки которых Петрович принял это за шум техники и монотонно пробубнил: — Я зафиксировал в газовой фазе высокую концентрацию ненасыщенных альдегидов... Это представляет угрозу для целостности моего груза...

Петрович посмотрел на эту троицу: чиновник сидит прямой и злой, девушка морщится от огурца, а этот нервный всё гудит и гудит. «Чисто коты у пустой миски: орут громко, а толку чуть», — подумал он про себя.

Петрович вытер тыльной стороной ладони огуречный сок и сказал: — Эх, молодёжь... Натурального огурца, что ль, никогда не видели? Или у вас там всё через трубочку едят? Угощайтесь, не стесняйтесь. А то так и будете сидеть как на приёме у стоматолога. Тесновато тут у нас... Ну да ничего. До конечной как-нибудь доедем.

Он достал новый кулек из «Правды» и придвинул его к центру стола. Для него это были просто попутчики: один важный не по делу, одна легкомысленная, один странный. Но что-то царапнуло его. Не страх, нет. Скорее, профессиональное любопытство дачника, заметившего на листе кабачка незнакомую букашку. Он снова посмотрел на них. По отдельности — вроде бы люди как люди. Но вместе... Картинка не складывалась.

Он скользнул взглядом по «чиновнику». Тот сидел, словно лом проглотил. Идеальная осанка, выверенные движения. А когда он чуть повернул голову, раздался тихий, сухой щелчок. Не сустав. Не шея. Звук был механический, как у хорошо смазанного шарнира. И кожа... Человеческая кожа так не поглощает свет. Она не может быть такой матово-серой и неподвижной.

«Ханзаханец», — мысленно поставил галочку Петрович. Слово всплыло в памяти само собой, как марка грузовика или название удобрения. Членистоногий гуманоид. Его «деловой костюм» на самом деле был не костюм, а часть его самого — отполированный до блеска хитиновый панцирь, считающийся у его народа сакральным символом чести и достоинства. Он вспомнил, как внучка Аннушка рассказывала, что у них в офисе на Нептуне работает кадровик-ханзаханец. Говорила, педантичный до тошноты.

Взгляд сместился на девушку у окна. Она всё ещё смотрела на кулёк с огурцами, и её «кожа» медленно перетекала из розового в нежно-лиловый. Красиво, чёрт возьми. Как северное сияние над дачей. А когда она говорила, голос её не просто звучал, а создавал в воздухе лёгкую вибрацию, от которой почему-то хотелось улыбаться.

«Глобгабгйика», — определил Петрович. Водяная медуза в человеческом обличье. Он слышал, они эмпаты. Чувствуют настроение. Наверное, поэтому она ему сразу показалась «милой», а эти «волосы» — просто жгутики-антенны её симбиотической колонии. Её одежда, которую можно принять за платье, на самом деле была купальным костюмом из живого материала — обязательная часть дипломатического протокола Глобгабгии. Эти удивительные разумные существа славятся своей непосредственностью и непостоянством во всем, кроме одной настоящей священной для них вещи — погоне за положительными эмоциями.

Последним он посмотрел на парня в капюшоне. Тот сидел тихо, но его руки... Из рукавов вместо кистей торчали пучки тонких, серых щупалец-манипуляторов, которые сейчас судорожно сжимали его странную кладь. А из ворота куртки выходила целая коса проводов.

«Архивариус», — вздохнул Петрович. Киборг. Или человек-кальмар в работе. Тоже ничего нового. В каждой уважающей себя межпланетной компании они числятся научными сотрудниками, инженерами и аналитиками. Его плотный капюшон был ни чем иным, как продвинутая система охлаждения, спасавшая мощнейшие вычислительные мощности от перегрева.

Он откинулся на спинку сиденья и медленно выдохнул через нос. Вот оно что. Он не просто едет с чудаками из министерства или офиса. Он едет с инопланетянами.

В купе повисла тишина. Они смотрели на него своими нечеловеческими глазами. Он смотрел на них.

Хруст огурца отдался эхом в наступившей тишине. Петрович спокойно дожевал, вытер руку о газету и с кряхтением полез под стол. Там что-то звякнуло, зашипело, и из-под сиденья Петровича показался носик старомодного титана. По купе тут же пополз густой, уютный запах нагретого металла и чуть подгоревших углей.

— Чаю? — буднично спросил Петрович, разливая кипяток по стаканам в тяжёлых металлических подстаканниках. Вопрос был риторическим, ответ не требовался.

Ханзаханец брезгливо дёрнул уголок рта, словно ему предложили выпить болотной жижи. Его фасеточные глаза на мгновение блеснули алым цветом внутреннего сканирования. — Органический отвар листьев *Camellia sinensis*? В замкнутом пространстве? Вы понимаете, какой уровень влажности вы создаете? Это же раздолье для грибов!

Глобгабгйика, наоборот, вся засветилась тёплым персиковым светом. — О-о-о! Настоящий? С дымком? А можно мне... с лимоном? И... сахаром? У вас есть сахар?

Архивариус никак не отреагировал на сам вопрос. Он просто подключился щупальцем к розетке под сиденьем и тихо загудел сервоприводами, загружая рецепт напитка в базу данных.

Петрович невозмутимо достал из кармана потёртой сумки гранёные стаканы. Щедро сыпанул сахара глобгабгйике, а стакан ханзаханцу поставил на самый край стола, подальше от себя.

Он повернулся к девушке, которая уже почти светила от предвкушения. — Лимон говоришь... — Петрович хитро прищурился, полез во внутренний карман пиджака и извлёк оттуда маленькую стеклянную баночку. Внутри, в густом янтарном сиропе, плавали полупрозрачные

дольки засахаренного лимона. — Ну, считай, повезло тебе, красавица: тут и сахар, и лимон. Это у меня стратегический запас.

Он щедро кинул пару долек ей в чай. Глобгабгйика восторженно ахнула, когда сироп начал растворяться, окрашивая воду в золотистый цвет.

Петрович хмыкнул, глядя на ханзаханца, который сидел прямой, как палка, и демонстративно игнорировал происходящее. — А ты чего морщишься, служивый? Так и будешь сидеть, как памятник самому себе? Я вот еду на дачу грядки копать. А ты едешь-то зачем?

— Мое имя **К'Варк**, — проскрипел он, делая паузы после каждого слова. — Я занимаю должность старшего инспектора третьего ранга по контролю за утилизацией энтропийных отходов. Я выполняю протокол межгалактической инвентаризации рукава Ореона. Моя цель — оптимизация складских остатков списанных квантовых утилизаторов. Это важная миссия, от которой зависит судьба галактики и моя дальнейшая карьера.

Петрович фыркнул, бросил дольку лимона в свой чай и громко, с удовольствием отхлебнул. — Важнее, чем огурцы вырастить? Ты хоть представляешь, сколько труда надо вложить, чтобы земля род дала? Чтобы семечко проклюнулось? Вот где настоящая оптимизация! — он хлопнул ладонью по колену. — А ты со своими бумажками... Эх. Тьфу. Ну К'Варк, так К'Варк. Хорошее имя, хоть и нерусское. Легко запомнить.

— Ладно, хватит лясы точить, — заявил он, вытирая усы тыльной стороной ладони. — Зовут меня Иван Петрович. Но это длинно. Для своих я просто **Петрович**. Запомнили?

Он посмотрел на девушку. Та кокетливо улыбнулась, отчего её кожа пошла розовыми пятнами. — А меня зовут Водолея. Меня назвали в честь созвездия, — мелодично пропела она. — Я дипломат, еду по очень важному поручению. Нужно урегулировать территориальный спор о праве собственности на три метра межгосударственной границы. Суть дела в том, что корень соседского дерева пророс на чужую территорию, и мне нужно составить протокол о мирном разделе плодов этого дерева. От этого зависит шаткое равновесие между двумя крупными союзами... и моя карьера.

— Красивое имя, — кивнул старик. — Но длинное. Буду звать тебя просто **Лея**. Небось, бабушка сказки читала?

Девушка радостно закивала, польщённая таким вниманием.

Взгляд Петровича переместился на юношу в капюшоне. Тот всё так же сидел неподвижно, подключённый к розетке. — Ну а ты, болезный? Как тебя величать? Чего молчишь-то?

Архивариус издал тихий механический писк, похожий на звук включения старого компьютера. — У нас нет произносимых имён. Мы различаем друг друга по коду, где зашифрована информация о нашем рождении, статусе и функциях.

Он продиктовал длинную последовательность цифр и символов, которые звучали абсолютно бессмысленно.

Петрович слушал, жуя лимон, но на середине кода махнул рукой: — Нет, так дело не пойдёт. Пока я это выговорю, мы уже до конечной доедем. Без имени мне непривычно. Я пока глядел на тебя вспомнил, что жил у меня козлик Борька. Взгляд у тебя такой же... задумчивый и хитрый. Так что будешь **Борисом**.

Юноша снова пискнул, обрабатывая новую информацию. Кажется, возражать он не собирался.

— Боря, — обратился к нему Петрович, отхлебнув чаю. Имя он произнёс утвердительно, как давно решённый факт. — А что ты так трясешься за свой чумоданчик? Ты тоже какая-то важная птица?

Новонареченный Борис медленно «отвис», выходя из режима энергосбережения или глубокой обработки данных. Его глаз сфокусировался на Петровиче, издав тихое жужжание сервопривода.

— Это... — монотонно выдал Архивариус. — Коллекция образцов межгалактической пыли класса «Альфа», которую я везу в лабораторию.

Он сделал паузу, и его механический голос стал, если это возможно, ещё более безжизненным.

— Я выбрал поезд на квантовострунных рельсах, потому что он исключает качку и боковые смещения, неизбежные при варп-прыжках или полёте на фотонной тяге. Это минимизирует риск нарушения кристаллической решётки. Однако... — его оптический сенсор сфокусировался на троице попутчиков, — ...есть еще переменная «пассажирский фактор». Вероятность нарушения структуры пылевых скоплений из-за неконтролируемой биологической активности в замкнутом пространстве составляет 74.3%, поэтому я прошу вас об осторожности. Мой научный грант посвящён сравнительному анализу микрочастиц. Я крайне обеспокоен тем, что хаотичные вибрации, создаваемые вами, могут сделать мой многолетний труд по классификации соринки бесполезным.

Петрович почесал затылок под кепкой и посмотрел на контейнер с таким видом, будто пытался оценить, сколько мешков картошки туда влезет. — Пыль, значит... Соринки...

Затем он хитро прищурился и наклонился чуть ближе к юноше. — Слышь, Боря, — сказал он вполголоса, заговорщически. — А если я тебе скажу, что у меня на даче этой пыли... ну просто завались? На чердаке особенно. Я тебе ее хоть в ведро отсыплю, если надо.

Лея хихикнула, прикрыв рот ладошкой. К'Варк издал звук, похожий на скрежет несмазанной двери — видимо, это был ханзаханский эквивалент презрительного фырканья.

Борис на секунду замер, обрабатывая новую информацию. Его козлий глаз тускло блеснул. — Это... — он сделал паузу, которая длилась чуть дольше, чем нужно для простой реакции. — Не просто пыль. Это ключ к пониманию того, какой была вселенная в момент Большого Взрыва. Каждая пылинка старше ваших звёзд. В ней зашифрована информация о первых наносекундах существования материи. Если структура хотя бы одной из них пострадает от вибрации...

Он замолчал, словно сама мысль о подобном была невыносима. Щупальца-манипуляторы сжались на контейнере ещё крепче.

Петрович выслушал эту тираду с абсолютно невозмутимым видом. Он дожевал лимонную дольку, запил чаем и лишь потом посмотрел на Боря. Во взгляде старика не было ни капли благоговения перед тайнами космоса. Там светился живой интерес садовода.

— А-а-а, — протянул Петрович так, будто речь шла о редком сорте яблок. — Так ты, значит, историю копаешь? Как археолог?

Он кивнул своим мыслям. — Ну, тогда понятно, почему ты такой дерганный. С таким грузом я бы тоже не расслаблялся. Ты вот что, Боря... Ты его подушкой своей прикрой. Или вон, курткой моей старой. У меня в сумке есть запасная. А то тряска — дело такое, она не только твоей пыли вредить может, но и тебе самому. Нервные клетки, они не восстанавливаются. Даже у таких, как ты.

Лея снова хихикнула, оценив заботу. К'Варк издал тихий скрежещущий звук, который мог означать что угодно: от одобрения до крайнего неодобрения. Борис же устался на предложенную куртку, анализируя её теплоизолирующие свойства и потенциальное влияние на температурный режим контейнера.

Поезд не летел и не ехал. Он скользил. В абсолютной, звенящей тишине, нарушаемой лишь мерным гудением систем жизнеобеспечения, состав скользил по квантовым рельсам сквозь пустоту. Для внешнего наблюдателя это выглядело бы как мгновенный, неуловимый глазу проблеск, но внутри вагона время текло плавно и размеренно. За толстым бронестеклом не было привычных пейзажей — лишь радужные сгустки космической пыли, подсвеченные невидимым излучением струнного полотна. Здесь не было ни тряски, ни стука колес, ни ветра в лицо. Только стерильная чистота и ощущение, что ты находишься в герметичной кап-

суле, несущейся сквозь изнанку пространства к неведомой цели. Это была «Тишина» — самый надёжный и самый безмолвный способ путешествия между мирами.

Часть II. Борьба со скукой

Глава 2. Палки в колёсах: инструкция по применению

Петрович дожёвывает бутерброд с салом, вытирает руки и обводит взглядом троицу: прямой и злой чиновник, девушка с перламутровой кожей и гудящий сервоприводами юноша.

— Ну что ж... — он прищуривается. — Раз уж нам вместе ехать, давайте по-честному. Вы всё про свои протоколы да про свободу. А как у вас там вообще жизнь устроена? Государство-то ваше какое? Небось, всё по линейке? Чтоб ни пылинок?

Чиновник (К'Варк) не мог упустить шанса прочитать лекцию о превосходстве порядка. Он тут же выпрямил спину ещё сильнее, хотя, казалось, это было невозможно.

— Государство — это безупречный механизм, — отчеканил он, и в его фасеточных глазах блеснул фанатичный блеск. Он машинально провёл рукавом по своему хитиновому панцирю, смахивая несуществующую пылинку. — Каждый гражданин — идеально подогнанная шестерёнка. Никакого хаоса, никакой неэффективности. Свобода — это иллюзия, ведущая к неконтролируемому росту энтропии. Ради выживания большинства можно и нужно жертвовать свободой одного. Идеальный мир — это мир, где каждый знает своё место и функцию.

Лея, глобгабгийская дипломатка, от возмущения переливалась всеми цветами радуги. Её медузоподобная голова нервно подрагивала.

— Ты всё путаешь! — её голос звенел от негодования. Она взмахнула рукой, словно отгоняя эту мрачную картину. — Государство не должно быть тюрьмой! Его задача — лишь создавать условия для веселья и отвечать за контакты с другими цивилизациями! Чтобы никто никому не мешал ловить свой кайф! Мы же не дикари, чтобы жить без правил, но правила должны служить радости, а не подавлять её!

— А в твоём мире нет места для жизни! — парировала Лея. Её голос звенел от негодования, а свечение стало пронзительно-белым, почти болезненным. — Твой «долг» — это просто красивое слово для добровольного рабства! Вы живёте вечно и умираете от тоски в свой же первый век! Вы боитесь чувствовать! И ради чего? Чтобы оптимизировать складские остатки списанных утилизаторов? Какая великая, благородная цель! Ты променял наслаждение вселенной на инвентарную опись!

Спор набирал обороты, но они говорили на разных языках. К'Варк посмотрел на неё с холодным презрением учёного, изучающего примитивный вид. — Ты не понимаешь главного. Это не вопрос «хорошо» или «плохо». Это вопрос выживания системы. Если одна шестерёнка начинает вращаться в своём ритме, весь механизм идёт вразнос и ломается. Чтобы механизм работал, детали должны быть взаимозаменяемы и подчинены общей задаче. Отдельная жизнь не имеет значения, если она ставит под угрозу выживание всего вида.

Лея замерла на секунду, а затем её кожа полыхнула алым. — Нет! Это ты не понимаешь! Если деталь не имеет значения, то зачем вообще нужен механизм? Ты говоришь о выживании, но выживание *чего*? Пустого, безжизненного механизма? Государство не имеет смысла само по себе. Смысл имеет только жизнь того, ради кого оно построено. Если система не делает жизнь каждого отдельного существа лучше — грош ей цена.

К'Варк медленно покачал головой. — Твоя ошибка в том, что ты ставишь выживание индивида выше выживания целого. Но целое состоит из индивидов. Чтобы защитить многих, нужно быть готовым пожертвовать единицей.

— А твоя ошибка в том, что ты забываешь, из чего состоит это «целое»! — крикнула Лея. — Оно состоит из таких же живых существ, как я! Государство — это инструмент, а не хозяин!

Они замолчали. Они смотрели друг на друга с неприкрытой враждебностью.

Это был тупик.

Борис, до этого бесстрастно фиксирующий параметры спора, издал тихий гул сервоприводов. Он не повышал голос, но его слова прозвучали с непрекращаемой уверенностью машины, излагающей базовый закон.

— Вы достигли логического тупика, потому что ваш вопрос «кто для кого» является ложной дихотомией. Вы рассматриваете государство и индивида как две независимые переменные в бинарной системе. Это неэффективно.

Он сделал паузу, его оптические сенсоры сфокусировались на К'Варке.

— Твоя модель, К'Варк, описывает государство как закрытую систему с максимальной энтропией. В такой модели индивид — это статистическая единица, ресурс. Цель системы — самосохранение и минимизация хаоса. Это обеспечивает стабильность, предсказуемость и выживание вида в долгосрочной перспективе. Твоя модель математически стабильна, но она не учитывает переменную «инновация». Система без хаоса не способна к развитию и обречена на стагнацию и коллапс при изменении внешних условий.

Борис перевёл взгляд на Лею.

— Твоя модель, Лея, описывает государство как открытую систему с максимальной свободой обмена. Индивид — это самоцель. Цель системы — максимизация индивидуального блага. Это обеспечивает высокую адаптивность, креативность и быстрое развитие. И твоя модель... тоже математически нестабильна. Без ограничивающих протоколов (законов) система быстро разрушается из-за внутренних противоречий и неконтролируемой энтропии, что приводит к самоуничтожению.

Борис соединил кончики своих механических пальцев.

— Оптимальная модель не является выбором между этими двумя состояниями. Это динамическая система с переменными константами. Государство — это не субъект и не объект. Это **среда**. Среда, которая должна одновременно выполнять две взаимоисключающие функции: обеспечивать жёсткий каркас безопасности (базовые протоколы, законы) и при этом сохранять высокую степень свободы для элементов внутри системы.

Он обвёл их взглядом своих немигающих сенсоров.

— Ваш спор о том, «кто для кого», некорректен. Это вопрос не о подчинении, а о **приоритетах распределения ресурсов и прав доступа**. В критических ситуациях (угроза существованию) приоритет имеет системная стабильность (модель К'Варка). В штатных ситуациях приоритет имеет развитие и самореализация индивида (модель Леи). Эффективное государство — это система с динамическим балансом между порядком и свободой. Тупик возникает тогда, когда вы пытаетесь зафиксировать систему в одной из крайних точек.

В купе снова стало тихо. Борис не примирил их на эмоциональном уровне, он просто доказал, что их спор — это ошибка в самой постановке задачи. Инопланетяне смотрели на Петровича, ожидая его вердикта.

Петрович хмыкнул, неторопливо отрезал кусок сала, положил его на ломоть чёрного хлеба и обвёл взглядом притихшую троицу.

— Ну вот, Боря-то опять прав... Вроде бы, — протянул он, с удовольствием откусывая бутерброд. — Всё по полочкам разложил: протоколы, доступы... Красота. Идеальная система.

Он прожевал и хитро прищурился.

— Только вот в чём беда: ваша «динамическая система» всё равно будет глючить. Потому что её пишут живые люди. А они — не алгоритмы. Им плевать на ваш баланс. Они будут искать лазейки в протоколах просто из вредности. Или чтобы водку из-под полы продать.

Петрович сделал паузу, обводя их торжествующим взглядом.

— Вы, умники, всё ищете идеал. То порядок вам подавай, то свободу. А идеал — он дохлый. Скучный. Вы не понимаете главного про нас, людей. Государство и человек — это симбиоз. Мы нужны друг другу.

Он наклонился чуть вперёд, понизив голос.

— Если русскому человеку государство не будет вставлять палки в колёса... мы станем скучными. Мы потеряем нашу смекалку и разучимся жить. Мы будем как эти ваши... шестерёнки. Жрать вашу синтетическую баланду по расписанию. Нам нужно поле для творчества! Нужна эта дурацкая бюрократия, с которой можно бороться! Потому что это и есть жизнь!

Он откинулся на спинку сиденья и назидательно поднял палец.

— Но и государству без нас — каюк! Если мы перестанем постоянно обходить ваши препоны, оно станет хрупким. Оно заостенееет. Окаменеет. И первый же сильный ветер его сломает. Наша смекалка — это его гибкость.

— Вот и получается, — подытожил он, откидываясь на спинку и складывая руки на животе. — Не государство для человека, и не человек для государства. А мы — друг для друга. Тысячу лет друг другу палки в колёса вставляем, а потом вместе из болота вылезаем. И государство у нас не от хорошей жизни такое... с характером. Мы его сами такими выстрадали. Оно у нас как старый тулуп: и греет криво, и пахнет не розами, но другого не надо — свой, привычный.

Петрович обвёл взглядом притихших инопланетян. — А вы... Вы-то чего суетитесь? — он хитро прищурился. — У вас же всё по уму. У тебя, — он кивнул К'Варку, — идеальный порядок. У тебя, — он перевёл взгляд на Лею, — вечный праздник. Живите да радуйтесь! Вы поймите простую вещь: если вы друг у друга начнёте государства срисовывать — погибнете оба.

Он начал загибать корявые пальцы: — Ты свой порядок на её планете наведёшь — она со скуки завянет. Она свой «кайф» на твою планету притащит — у вас все шестерёнки от вибрации рассыплются. Не ваше это, не родное.

Петрович наклонился к ним через столик и понизил голос до заговорщического шёпота: — А вот если оставить всё как есть... То вы и так прекрасно жить будете. Вопреки всей этой математической стабильности. Потому что жизнь — она не в формулах. Она — в дыре в заборе, через которую можно пролезть. И пока есть эта дыра — система жива.

В купе повисла тишина, вязкая и плотная. Спор о государстве и свободе истощил их не меньше, чем физическая драка. Они сидели, погруженные в свои мысли, и смотрели в окно. Взгляды всех четверых, словно притянутые невидимым магнитом, были прикованы к чернильной бездне за окном.

За бронестеклом чернильная синева космоса на мгновение сгустилась, а затем по ней пробежала **идеально ровная, геометрически безупречная трещина**. Она была похожа на разлом в фарфоре, но внутри неё не было пустоты — там пульсировал холодный, математически выверенный свет. Трещина продержалась долю секунды и тут же затянулась, оставив после себя лишь идеально ровную сетку из тончайших, едва заметных линий, которая тут же начала медленно таять.

В этот миг они были едины в своём непонимании: **К'Варк** увидел подтверждение своей правоты, **Лея** — свой страх насилия, а **Борис** — трещину своей модели мира, в которую он тут же попытался загнать в новую переменную расчётов. И только **Петрович**, увидел в ней не знак, а морщинку на чьём-то взрослом лице.

Глава 3. Больцмановская капуста

Космический пейзаж за окном был идеальным холстом для скуки. Он не менялся, не предлагал новых впечатлений и был абсолютно, стерильно пуст. Это была не просто скука, а экзистенциальная тоска, порожденная совершенством. Скука стала их первым и главным врагом.

Первым не выдержал Архивариус Борис. Его гудение сервоприводов сменилось высокочастотным писком, похожим на звук зависшего компьютера. Он медленно оторвал свои козлиные сенсоры от контейнера с пылью и обвел ими стены купе, словно сканируя саму реальность на наличие ошибок.

— Когда мне скучно в дороге, я стараюсь занять себя проверкой занимательных гипотез. Вот сейчас я вычислил статистический вес макросостояния, — объявил Борис. Его оптический сенсор сфокусировался на точке в пустоте за окном. — Вероятность спонтанной флуктуации вакуума, в результате которой возникает высокоупорядоченная система, ничтожно мала. Однако, согласно моим расчётам, термодинамическая вероятность случайного формирования сложной нейронной структуры — пусть и на несколько наносекунд — на много порядков выше, чем вероятность возникновения целой упорядоченной вселенной с низкой начальной энтропией.

В купе повисла тишина, нарушаемая лишь гудением его внутренних систем.

— Ты о чём? — тихо спросила Лея. Её кожа, тускло-серая от тоски, начала медленно наливаться тревожным лиловым светом.

— О Больцмановских флуктуациях, — бесстрастно ответил Борис. — Гипотетический самосознающий объект, возникающий в результате случайного теплового движения частиц в состоянии термодинамического равновесия. Вероятность того, что я — Архивариус с грузом пыли, ниже вероятности того, что я — кратковременная иллюзия упорядоченности в хаотичной среде. Следовательно, с точки зрения чистой статистики... вся наша память и этот разговор — лишь статистическая аномалия. Мы — случайный кадр в тепловом шуме вселенной.

Борис замолчал. Его механическое тело застыло в абсолютной неподвижности.

Лея издала тихий стон и закрыла лицо руками. Её свечение из лилового стало болезненно-белым. — Это... это ужасно... — прошептала она. — Какой смысл в вечном поиске кайфа, если я — всего лишь мимолётная флуктуация? Мгновенный сбой в работе энтропии? Всё бессмысленно!

К'Варк медленно повернул голову. Механический щелчок в его шее прозвучал как удар хлыста в тишине. — Это иррационально и непродуктивно, — проскрежетал он. — Твои вычисления игнорируют антропный принцип отбора наблюдателя. Принять гипотезу о Больцмановском мозге — значит признать бесполезность любого действия и отрицать космогенез с низкой энтропией. Моё имя — К'Варк. Я — наблюдатель в системе, чья функция — инвентаризация и оптимизация. Это упорядочивает реальность и придаёт ей вектор. Твоя теория — это информационный шум.

— Ошибка в твоей предпосылке, К'Варк, — голос киборга оставался бесстрастным. — Ты говоришь о «векторе» и «цели». Но твоя модель реальности предполагает наличие внешнего смысла. Моя — нет. Моя модель вероятностная.

Он сделал паузу, и в наступившей тишине его гудение казалось оглушительным. — Вероятность — это количественная мера любой возможности при определенных условиях. А в условиях бесконечной вселенной или в бесконечном множестве мультивселенных любая возможность с ненулевой вероятностью не просто *может* произойти, а она происходит. Математически это не вероятность, а достоверность.

Борис перевёл оптический сенсор на свой контейнер с пылью. — Следовательно, прямо сейчас, в этой бесконечности, существует бесконечное число копий «меня», которые являются Больцмановскими мозгами. И бесконечное число копий «тебя», которые верят в свой «вектор». И бесконечное число Петровичей, которые хрустят своими огурцами. Все эти сценарии реализованы. Твоя вера в «инвентаризацию» — это просто локальная иллюзия порядка в одном из бесчисленных хаотичных флуктуационных пузырей. Ты пытаешься придать смысл статистическому шуму.

Он замолчал. В купе повисла тишина, нарушаемая лишь гудением его систем.

— Твой «вектор», инспектор... это просто твоя попытка не сойти с ума от осознания того, что ты — лишь одна из случайных точек в уравнении, которое не имеет решения.

Петрович, который всё это время молча сворачивал кулек из газеты для семечек, вздохнул и отложил бумагу в сторону. — Эх... Молодёжь... — протянул он с добродушной укоризной. — Напридумывали себе ужастей. Мозги балетмейстерские им покоя не дают...

Он достал из котомки пузатую стеклянную банку, от которой исходил терпкий запах молочной кислоты, ядрёный дух рассола и тот самый неуловимый аромат подмосковной осени, который бывает только у правильно заквашенной капусты. Это был запах брожения, жизни, контролируемого хаоса.

Лея, уже почти успокоившаяся, с любопытством принялась. — Ой! А что это? — её голос снова обрел мелодичность. — Пахнет... сложно. И сильно!

— Квашеная капуста, — с гордостью объявил Петрович, открывая крышку. Шипение вакуума внутри банки было заглушено громким, утробным «чпок». — С антоновкой и клюквой. По старинному рецепту.

Борис, чей оптический сенсор был сфокусирован на банке, выдал серию коротких писков. — Я фиксирую сложную биохимическую реакцию. Масс-спектрометрия указывает на пиковые значения лактатов. Газовая хроматография подтверждает присутствие паров этанола и сложных эфиров. Среда характеризуется высоким восстановительным потенциалом за счёт высокого содержания и левовращающей аскорбиновой кислоты.

— Ты мне вот что скажи, умник, — Петрович с хитрым прищуром посмотрел на Бориса. В его голосе не было злобы, только легкая, добродушная издевка. Он зачерпнул из банки горсть рубиново-белой капусты и с хрустом отправил в рот. — С твоими мозгами мне всё понятно. Невелика беда их случайно собрать. А ты мне вот что скажи...

Он сделал паузу, пережевывая и смакуя вкус. — ...именно *эта* банка с квашеной капустой тоже может случайно появиться? Вот прямо так, из пустоты? С точно таким же количеством соли? С такой же хрусткостью? Чтобы вот этот самый листик смородины лежал ровно посередине?

Он снова зачерпнул капусту. — Я её, голубушку, уже лет двадцать квашу. И знаешь что? Даже у меня не получается сделать две *одинаковые* банки. Каждая — со своим характером. Одна послаще будет, другая по кислее. Одна хрустит, а другая — помягче.

Петрович обвел взглядом троицу инопланетян, которые смотрели на него так, будто он только что опроверг законы термодинамики. — Твоя теория про мозги... она красивая. Умная. Но она про пустоту. А капуста... капуста — она про жизнь. В ней душа есть. Её не из флуктуаций собирают, а из любви к делу и немного из лени. Вот в чём разница.

Он протянул банку Лее. — На-ка, попробуй. Только учти, она с горчинкой.

Лея робко взяла щепотку. Её кожа на мгновение вспыхнула ярко-розовым от остроты специй.

Борис протянул тихий, монотонный писк, похожий на звук загрузки тяжелого программного обеспечения. Его оптический сенсор сфокусировался на банке, анализируя её геометрию и химический состав.

— Да. Может, — проскрипел он без единой эмоции. — Более того, если учесть бесконечность пространства-времени и принцип комбинаторики, то данная конфигурация материи, — он указал тонким проводом на банку, — возникла и не один раз, а бесконечное количество раз. В бесконечном количестве вариаций. Где-то существует вселенная, где эта банка стоит вверх дном. Где-то — где в ней плавает один лишний кристалл соли. А где-то — где её сделали не вы а разумный гриб на орбите Бетельгейзе.

Он замолчал, ожидая реакции. Для него это был исчерпывающий ответ, доказывающий правоту его теории.

Петрович хмыкнул в усы. Он не выглядел ни удивленным, ни задетым. Он спокойно дождался капусты и посмотрел на Бориса с выражением снисходительного превосходства.

— Эх, Боря, Боря... — протянул он. — Я не просто так в начале сказал «эта» банка. И не просто так сказал «которую сделал я».

Он легонько, почти нежно, постучал пальцем по стеклянному боку банки. — Ты вот считаешь свои пылинки. Для тебя они — уникальные, да? Потому что ты их собрал, ты их каталогизируешь. А для всей остальной галактики это просто пыль. Мусор.

Петрович взял ещё горсть капусты и заговорил, активно жестикулируя: — Вот эта капуста — она не просто набор молекул. В ней — мои руки. В ней — соль, которую я отмерил на глаз. В ней — память о том дожде в июле, который как раз вовремя прошел, чтобы кочаны налились соком. В ней — вся эта чёртова дача! Она уникальна не потому, что её атомы так сложились, а потому что у неё есть история. Понимаешь?

Он ткнул себя пальцем в грудь. — Я — автор этой банки. И именно поэтому во всей бесконечности твоих вселенных есть только *одна-единственная* такая банка, которая стоит здесь и сейчас. Остальные — просто жалкие копии. Подделки. В них нет души.

Борис замер. Его процессор обрабатывал концепцию «авторства» и «истории» как переменные, которые ранее не учитывались в его уравнениях о природе реальности. Он молчал почти минуту.

Борис издал тихий, сухой сигнал, похожий на звук закрывающегося системного блока. Его сенсорный взгляд тускло блеснул.

— Вы демонстрируете абсолютно иррациональное магическое мышление, — наконец выдал он. — Эмоциональная привязка к объекту не меняет его физической природы.

Петрович, который как раз отхлебнул горячего чаю из своего стакана в подстаканнике, замер на секунду. Он не спеша проглотил, потом медленно провел языком по густым, прокуренным усам, собирая оставшиеся капли. Он посмотрел на Бориса с жалостью, как на неразумного ребенка, который никак не может понять, почему небо голубое.

— Это не магия, Боря. Это жизнь — спокойно сказал он. — Объясню тебе на твоём языке.

Он поставил банку на стол и для наглядности положил рядом с ней свой стакан. — Смотри. — Эта банка сделала меня другим человеком, Боря. Изменила конфигурацию синапсов или как там по-вашему... Я к чему? К тому, что она вызвала во мне объективные изменения, которые ты своими датчиками можешь померить. Она повлияла на Лею — вон, как у неё кожа порозовела от предвкушения. И даже на К'Варка, — Петрович кивнул в сторону ханзаханца, который действительно сидел неподвижно, но его сенсорные усы-антенны едва заметно подрагивали, втягивая аромат. — Посмотри, как он чуть не вдавился в свой панцирь от запаха. Это тоже факт. А твоя бальзамовая капуста, — он ткнул пальцем в сторону окна, где проплывала пустота, — на меня никак не влияет. И повлиять не может. Может, на какого-нибудь гриба с Бетельгейзе она и произведёт впечатление, но я-то существую прямо здесь и прямо сейчас!

Петрович наклонился чуть ближе к Борису и заговорил тише, но отчётливее: — А теперь представь свою флук... твою случайную банку из ниоткуда. Что она делает? Ничего. Она про-

сто есть. Она ни на кого не влияет. Она не имеет истории, не имеет автора. Она как снежинка в тундре где-то под Оймяконом: красивая, но далекая и холодная. Что есть, что её нет — без разницы. Ты не учёл человеческий... субъективный фактор. Смысла у нее нет, по-простому говоря!

Он откинулся на спинку сиденья и победно, с хитринкой, улыбнулся. — Твоя картина мира, Боря, она... как бы тебе сказать... она не плохая, но слишком узкая. Ты видишь атомы, но не видишь жизни.

Борис молчал дольше обычного. Его внутренние системы явно обрабатывали новую, противоречащую всей его базе данных информацию.

— Внесение переменной «субъективный фактор» делает систему непредсказуемой... — наконец проскрипел он с явной растерянностью в механическом голосе. — И... нестабильной. Я намеренно исключил эту переменную из своих уравнений, чтобы они оставались чистыми.

Петрович, который уже снова сворачивал кулек из «Правды», замер. Он посмотрел на Бориса поверх очков (которых, конечно, не носил, но взгляд был именно такой) и хмыкнул. — А зачем? — просто спросил он. — Это как пытаться говорить «тут нет этой квашеной капусты», когда она вот, — он похлопал ладонью по банке, отчего раздался глухой звук, — стоит на столе и пахнет на всё купе. И она не знает, что ты ее исключил. И усы К'Варка не знают, вишь, как дрожат.

Он снова взялся за газету. — Жизнь и есть нестабильность, Боря. Привыкай.

В купе повисла задумчивая тишина. Лея смотрела на банку с новым, глубоким уважением. К'Варк не шевелился, но его идеальная осанка казалась уже не такой вызывающе прямой. Борис же просто гудел на низкой ноте, переваривая не капусту, а мысль о том, что его совершенная, логичная модель вселенной только что дала сбой из-за простой ферментированной закуски.

Петрович крикнул, неторопливо поднялся со своего места и оправил пиджак. — Ну всё, шабаш, — пробурчал он сонно. — Пойду-ка я... проветрюсь перед сном. А то разморило чего-то... Он тяжело поднялся со своей нижней полки, опираясь рукой о стену для равновесия, напарил ногами тапочки и шаркающей походкой вышел из купе, аккуратно прикрыв за собой дверь с мягким шипением герметичного замка.

Как только за Петровичем закрылась дверь с мягким шипением герметичного замка, в купе повисла неловкая, звенящая тишина. Борис всё так же гудел, обрабатывая крах своей теории вероятностей. Лея нервно переливалась из персикового в лиловый и обратно. К'Варк, казалось, стал ещё более прямой и неподвижный, словно пытался силой воли отменить только что произошедший разговор.

— Его аргумент... — в голосе Бориса прозвучали нотки, выдающие в нем контролируемую панику — ...не содержит логических изъянов в рамках его парадигмы. Он ввёл в уравнение переменную «субъективный фактор», которую я... мы... намеренно исключили как статистический шум. Но если этот «шум» способен опровергнуть базовую космологическую модель... значит, наша модель изначально была неверна.

— Ой, а давайте не будем о грустном! — Лея попыталась вернуть себе привычный оптимизм, но её голос дрогнул. — Он просто старый мудрый человек. Он не знает, как ты, но... он *чувствует* вселенную! А мы... мы просто пытаемся её просчитать. Это же так скучно!

К'Варк медленно повернул голову. Его движения были по-прежнему выверенными, но в них появилась какая-то новая, хищная медлительность.

— Его слова звучат не как просто бред выжившего из ума старика, — проскрежетал он, не глядя ни на Лею, ни на Бориса. Его фасеточные глаза уставились в пустоту за окном, где проплывали сгустки космической пыли. — В его словах есть... потенциал. Хаос — это враг Порядка. Это инструмент энтропии. Но что, если это не так? Что, если хаос — это не отсутствие порядка, а его высшая, непознанная форма?

Он сделал паузу, и в купе стало ещё тише. — Возможно, если взять под контроль этот «субъективный фактор», мы могли бы контролировать саму энтропию. Мы могли бы не просто упорядочивать вселенную, а *создавать* её по своему усмотрению, то есть идеальной.

Борис резко перестал гудеть. Его оптический сенсор сфокусировался на К'Варке. — Это... это логическая ошибка. Субъективность по определению не поддаётся контролю. Это внесистемная переменная. Попытка её использовать приведёт к коллапсу всех известных нам законов физики.

— А может, именно в этом и заключается следующий шаг эволюции? — К'Варк наконец посмотрел на Бориса, и в его взгляде читался холодный огонь фанатизма. — Мы веками боролись с хаосом, пытаясь загнать его в рамки протоколов. А что, если нужно было не бороться, а оседлать его? Использовать эту... жизненную силу?

Лея переводила взгляд с одного на другого, её свечение стало неровным и тревожным. — Ты говоришь об этом так, будто это оружие...

— Это и есть оружие, — отрезал К'Варк. — Самое мощное во вселенной. И Петрович только что показал нам его прототип. В виде банки с капустой.

Борис издал звук, похожий на высокочастотный писк перегревшегося процессора. Для него это было уже слишком — переход от чистой математики к метафизическому милитаризму.

— Это... это категориальная ошибка, — проскрипел он, его голос дрожал от интеллектуального возмущения. — Ты используешь термины «хаос» и «порядок» как оценочные суждения, а не как физические константы. Это математика, а не чья-то злая воля.

Он на мгновение замолчал, словно собирая воедино разрозненные файлы в своей базе данных. — Более того, в физическом смысле энтропия не равна хаосу в нашем понимании. Энтропия — это мера количества микросостояний, которыми может быть реализовано данное макросостояние. Высокоупорядоченная система, например, идеальный кристалл, имеет крайне низкую энтропию, потому что положение каждого атома строго определено. У неё мало вариантов состояния. А вот стакан воды... в нём миллиарды молекул, движущихся хаотично. У него несравнимо больше вариантов расположения этих молекул. Он имеет более высокую энтропию. Но является ли он «хаотичным» в бытовом смысле? Нет. Он подчиняется тем же законам физики.

Борис сделал паузу, его гудение стало чуть громче. — Ты говоришь о «борьбе с хаосом», К'Варк. Но вы боретесь не с хаосом. Вы боретесь со сложностью. С жизнью. Потому что жизнь — это система, которая локально, на своём крошечном участке, понижает энтропию, чтобы существовать. Она создаёт порядок из беспорядка. Петрович прав. Его капуста — это не оружие хаоса. Это **победа** над ним. Маленькая, локальная, но абсолютно реальная победа жизни над всеобщей тепловой смертью.

К'Варк медленно повернул голову к Борису. Его фасеточные глаза не выражали никаких эмоций, но всё его тело, казалось, излучало холодное презрение. — Ты... ты всё упрощаешь до бессмысленности, Архивариус. Ты говоришь о «мере микросостояний», когда речь идёт о **смысле**. Твои цифры мертвы. Его капуста жива. И если мы сможем понять эту «жизнь», эту силу, которая создаёт порядок из ничего, мы сможем переписать саму вселенную.

Лея резко повернулась к К'Варку. Её свечение, бывшее почти белым, стало пронзительно-ярким, почти болезненным для глаз. В нём смешались ужас и непонимание.

Наконец, он медленно повернул свою сегментированную голову. Его фасеточные глаза, не мигая уставились на Лею. В стерильной тишине его голос прозвучал особенно зловеще: — Вселенная умирает, Лея. Её энтропия увеличивается с каждым мгновением. Тепловая смерть неизбежна. Хаос — это не просто враг порядка. Это инструмент распада.

Он сделал паузу, давая словам впитаться. — Возможно, если взять под контроль этот «субъективный фактор», эту жизненную силу, которую показал нам человек... Мы сможем

оседлать её. Не бороться с энтропией, а обратить её вспять. Переписать законы физики. Создать вселенную, которая будет существовать вечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.